

ДЕННИС ПАТТЕРСОН О ВИТГЕНШТЕЙНЕ

Современный американский правовед Деннис Паттерсон является одним из активных сторонников важности идей позднего Витгенштейна для решения философско-правовых проблем, в том числе проблемы неопределенности права. На основании идей Витгенштейна о следовании правилу и правилосообразной деятельности он разработал свой особый подход к праву и толкованию права. И хотя есть некоторые сомнения и возражения, что он правильно понял и проинтерпретировал *Философские исследования*, все же следует признать, что Паттерсон предпринял полномасштабную (и местами весьма убедительную) попытку эксплицировать идеи Витгенштейна в совершенно ином контексте, а именно в контексте теории права. Его трактовка философии языка Витгенштейна продолжает оставаться интересной, несмотря на критические замечания, которые были выдвинуты против его подхода.

Ключевые слова: следование правилу, неопределенность права, интерпретация, понимание, юридическое правило, Витгенштейн, Паттерсон.

1. Введение. На рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия в англо-американском юридическом сообществе развернулась бурная дискуссия о применимости идей позднего Витгенштейна в теории и философии права. Предполагалось, что осмысление его взглядов в контексте права позволит не только лучше понять действие самого права и составляющих его юридических правил, но и разрешению отдельных философско-правовых проблем. Одной из таких проблем была и, пожалуй, остается проблема неопределенности права. Она имеет давнюю историю (отдельные ее экспликации обнаруживаются еще у Платона и Аристотеля [1]), на протяжении которой получила самые разнообразные интерпретации. Новый интерес к этой, казалось бы, исчерпанной теме спровоцировала публикация *Философских исследований* Витгенштейна [2]. Отчасти это можно объяснить тем, что под влиянием аналитической философии право стало пониматься как особая языковая деятельность, как особый способ употребления языка. Осознание особой природы юридического языка, т. е. того, что нормы права и юридические правила не существуют вне языка, позволило иначе взглянуть на характер юридической практики. А для этого потребовалось очертить специфику и область юридических действий и, как минимум, отличить их от других типов социального действия. Возможно, поэтому некоторые идеи *Философских исследований*, особенно проблема следования правилу, и сама идея правилосообразной деятельности, оказались настолько популярными среди правоведов, что на несколько десятилетий стали чуть ли не основной темой исследований и главным предметом обсуждения.

Одним из протагонистов этой дискуссии выступил современный американский правовед Деннис Паттерсон, который не просто активно отстаивал важность идей Витгенштейна для решения философско-правовых проблем, но и на основании этих идей разработал свой особый подход к праву

и юридической интерпретации. Так, например, в предисловии к сборнику *Wittgenstein and Law* Паттерсон напишет, что «подход Витгенштейна к интерпретации — это самый важный урок, который усвоила юриспруденция... Сложно найти философа, идеи которого были бы так актуальны для проблем и проектов современной теории права» [3, р. xii]. И хотя сегодня Паттерсон в основном занимается междисциплинарными исследованиями нейropsихологии и нейроправа [4–6], его трактовка позднего Витгенштейна по-прежнему интересна. В том числе потому, что он до сих пор ее придерживается (он все еще считает, что «философам права следует продолжать использовать идеи Витгенштейна о языке и метафизике для решения проблем теории права» [7]), несмотря на то, что отдельные положения его подхода были подвергнуты достаточно серьезной критике, которая, надо сказать, была вполне оправданной. Но, так или иначе, Паттерсон был и остается одним из главных сторонников применимости идей Витгенштейна в современной теории и философии права.

2. Следование правилу и проблема неопределенности права. Проблема следования правилу была сформулирована Витгенштейном в *Философских исследованиях*¹ и в общем виде сводилась к затруднению с выявлением критериев правильности употребления языковых выражений. Весьма туманная ее формулировка породила огромное множество подходов, предлагающих свою интерпретацию, того, что значит следовать правилу, и свое ее решение [8]. Но наибольшую известность и популярность приобрели две ее интерпретации: одна — С. Крипке [9], а другая — Г. Бейкера и П. Хакера [10]. Позиция Крипке, которую Паттерсон называет «согласием сообщества» [11, р. 939], состояла в том, что «согласие сообщества» выступает в качестве своего рода посредника между правилом и тем, что считается действием в соответствии с правилом. Поэтому не само правило, но поведение соответствующей социальной группы определяет то,

что считается действием в соответствии с правилом. Бейкер и Хакер утверждали, что между правилом и тем, что считается действием в соответствии с правилом, существует «внутреннее» отношение. Само правило (и ничего более) устанавливает, что считается правильным употреблением; правило реализуется в самом факте его применения.

Паттерсон полагает, что между этими интерпретациями проблемы следования правилу и современным обсуждением неопределенности права можно провести некоторую аналогию: «Дискуссии вокруг парадокса следования правилу могут использоваться в качестве трамплина для выдвижения оригинального подхода к вопросу о следовании правилу в праве; при условии, что право будет рассматриваться как практика и нарративный дискурс» [11, р. 940]. Такой ракурс, по его мнению, позволяет использовать соответствующие идеи Витгенштейна для разрешения вопроса, обеспечивает ли право «правильными» ответами на юридические вопросы. Иначе говоря, предопределяют ли юридические правила (правовые нормы) результат судебного решения (или иного правоприменения) в каждом конкретном случае. Представители юридического формализма и отчасти юридического позитивизма отвечают на этот вопрос положительно, поскольку считают, что задача судьи состоит в разрешении судебных споров, посредством применения непротиворечивых принципов к фактам. Судебное решение, таким образом, трактуется как непротиворечивое применение общепринятых принципов к установленным фактам для получения результата, т.е. судебное решение уподобляется дедуктивному умозаключению, где истинность вывода гарантируется истинностью посылок (правовых норм и фактических обстоятельств дела). Сторонники этой позиции, подобно Бейкеру и Хакеру, полагают, что есть объективный, предопределенный ответ на вопрос, соответствует ли поведение правилу (праву).

Представители юридического антиформализма, куда включаются такие философско-правовые направления, как юридический инструментализм, правовой реализм, критические правовые исследования и др., напротив, считают, что юридические правила и содержащиеся в них понятия (и право в целом) являются «радикально неопределенными» и прежде всего из-за неопределенности самого языка, в котором они выражены. Антиформалисты, отстаивая позицию лингвистической (вернее, семантической) неопределенности, исходят из того, что если у юридических текстов (как и у слов, которые в них содержатся) нет самостоятельного значения, то применение отдельных положений закона не может быть непосредственно выведено из самого его текста. Они утверждают, что уверенность и определенность в употреблении слов зависят исключительно от согласия лингвистического сообщества в том, как то или иное слово следует употреблять. Таким сообществом как раз и выступает юридическое сообщество и, прежде всего, сообщество судей. Следовательно, не сами законы, но позиции судей обуславливают их применение. Этот подход к неопределенности права удачно согласуется с позицией Крипке, что в основании употребления слов лежит общее согласие, и именно это согласие стабилизирует язык, который мы используем в повседневной жизни. Если мое употребление слова согласуется с позицией других членов интерпретирующего сообщества, то оно является в некотором

смысле правильным и оправданным. Точка зрения сообщества становится, таким образом, внетекстуальным критерием правильного применения, а значение слова определяется не самим текстом, а тем, как большинство членов сообщества склонны его употреблять [12, р. 495–496].

Однако Паттерсона не удовлетворяет ни одних из этих подходов. Более того, он называет «обе эти позиции философски несостоятельными, и именно аргументы Витгенштейна позволяют это продемонстрировать убедительным образом»² [11, р. 940]. Для этого он предлагает разделить проблему следования правилу на две части [11, р. 943]. Первая часть, по его мнению, репрезентирует, так называемый, «скептический парадокс» Крипке [9, с. 14–55]: невозможно знать, согласуется ли нынешнее употребление слова с его предыдущим употреблением, ибо нынешнее употребление слова всегда можно привести в соответствие с любым правилом. Паттерсон называет это «тезисом переопределения» (*overdetermination thesis*), который им трактуется как отношение между действиями и их возможными описаниями. Тезис переопределения, согласно которому любая деятельность есть конечное множество действий, постулирует, что действие не обязательно должно описываться в соответствии с неким правилом. Скорее, действие можно объяснить, как поведение в соответствии со множеством других правил, составляющих совершенно иные практики [11, р. 943]. Вторая часть проблемы следования правилу связана с вопросом, является ли любая система правил сама по себе достаточно объемной, чтобы установить или позволить участникам практики знать, когда и при каких обстоятельствах их действия соответствуют некоему правилу. Эту часть Паттерсон называет «тезисом недоопределения» (*underdetermination thesis*) [11, р. 944]. Антиформалистский аргумент о «радикальной неопределенности» права, по его мнению, как раз и исходит из этого тезиса. Однако обе части этой проблемы разрешимы. Одну из них решают Бейкер и Хакер, которые утверждают, что отношение между правилом и его применением следует трактовать как внутреннее, в том смысле, что внутреннее отношение есть продукт грамматики, социальных конвенций [10, с. 186]. Отсюда следует, что понятие правило — значит понятие его грамматику, и что интерпретация не «выступает посредником отношения между правилом и его применением» [10, с. 192] (то, каким образом Паттерсон понимает этот тезис Бейкера и Хакера, мы рассмотрим в следующем разделе). Другая же часть проблемы следования правилу решается «согласием сообщества», т.е. понятие правила предполагает сообщество, в котором значение этого правила устанавливается общим согласием в отношении действий.

Но если мы соглашаемся с утверждением Паттерсона, что обе части проблемы следования правилу разрешимы, то не вынуждены ли мы тогда признать, что разрешима и сама проблема? Не потропились ли мы с этим выводом, соблазнившись его теорией? Или же это как раз и есть тот самый «трамплин для выдвижения оригинального подхода к вопросу о следовании правилу в праве», о котором он говорит? И как все это связано с проблемой неопределенности права?

Признавая «философски несостоятельными» имеющиеся позиции по вопросу неопределенности права, которые, как он считает, можно уподобить двум интерпретациям проблемы следования пра-

вилу (Бейкера и Хакера, с одной стороны, и точке зрения сообщества — с другой), Паттерсон предлагает некую синтетическую модель, или, как говорит Б. Бикс, «средний подход», согласно которому экстенционал правила предопределяется не другим правилом или простым согласием внутри соответствующего сообщества в отношении правильного ответа, но исключительно целью правила, установленной соответствующим сообществом [13, р. 50]. Сам Паттерсон это объясняет следующим образом. Несмотря на то, что в праве действительно есть внутреннее отношение между правилом и его экстенционалом, из этого не следует, что внутреннее отношение позволяет установить, что право требует. Потому что, как ясно показывает точка зрения сообщества, вопрос о том, что право требует, является сугубо *социальным* вопросом. Эта мысль приводит его к выводу, «что определение того, что требует юридическое правило, достигается через раскрытие того, какую *цель* преследует правило в правовой системе, — "раскрытие", которое, по сути, является вопросом социальной антропологии» [11, р. 953]. Чтобы следовать правилу, мы должны знать причины, по которым это правило существует как часть нормативной структуры права. И именно цель правила, которая является социально предопределенной, задает внутреннее отношение, связывающее воедино расходящиеся фактические контексты, подпадающие под экстенционал правила. Согласие сообщества само по себе не определяет, что представляет собой действие в соответствии с правилом. Скорее, оно определяется целью правила и является его аналитической и социальной особенностью. Следовательно, заключает Паттерсон, в следовании правилу обязательно присутствует социальный компонент, но при этом неверно утверждать, что только согласием сообщества устанавливается, что представляет собой действие в соответствии с правилом [11, р. 953].

Паттерсон хотя и соглашается с Бейкером и Хакером, что между правилом и его применением есть внутреннее отношение, но сомневается, что оно заключено в самом правиле. Но не потому, что для согласия сообщества здесь нет «концептуального пространства». Оно есть, ибо «грамматика не может заполнить все концептуальное пространство понимания; понимание правила не достигается лишь за счет понимания грамматики» [11, р. 955]. И не потому, что, с точки зрения сообщества, проблему следования правилу следует редуцировать исключительно до согласия сообщества. А потому, что только «цель правила в практической деятельности права "связывает" то, что можно назвать подпаданием под действие правила, и само это правило» [11, р. 955–956]. Цель правила становится, таким образом, основной категорией его подхода. Без цели, которая имеет *социальный характер*, правило «было бы непонятным и вообще утратило бы всякий смысл» [11, р. 956]. Именно категория цели позволяет показать, что связь между грамматикой правил и согласием сообщества в контексте права диалектична: «Грамматика правил позволяет нам понять, что считается "следованием правилу", но грамматика воздвигнута на фундаменте социальной практики, которая сама является предметом критики и переосмысления» [11, р. 956]. Чтобы понять значение юридического правила, надо разглядеть, ухватить, распознать его цель в практической деятельности права, ибо «значение юридического правила есть функция его цели» [11, р. 965].

Идею социального характера цели правила и понимание цели правила как социальной конструкции Паттерсон заимствует у П. Уинча, который стремился «показать, как внутренние (концептуальные) отношения высказываний членов того или иного сообщества моделируют и даже определяют многие другие типы взаимоотношений в рамках сообщества» [14, с. viii]. В частности, он ссылается на следующую мысль Уинча: «"Понимание" означает схватывание *сути* или *значения* того, что делается или говорится. Это понятие весьма далекое от мира статистики и каузальных законов: оно ближе к сфере рассуждения и внутренним связям, соединяющим части сферы рассуждения»³ [15, с. 97]. Эта мысль позволяет Паттерсону сделать вывод, что право — это форма социальных отношений, мы вступаем в отношения друг с другом посредством права: «право следует понимать, как деятельность, а не как вещь, а значит, его следует рассматривать как способ осмысления мира, т.е. как средство понимания» [11, р. 983]. Короче говоря, право есть деятельность: «"Бытие" права заключено в "действиях" его участников» [11, р. 940]. Поэтому знание значения юридического понятия или правила означает *понимание* или «схватывание *сути* или *значения* того, что делается или говорится» теми, кто это понятие или правило использует [11, р. 983]. Хотя вопрос соотношения понимания и интерпретации в подходе Паттерсона некоторым образом и связан с целью правила, все же он имеет вполне самостоятельное значение, произрастающее опять-таки из философии «позднего» Витгенштейна. И этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

3. Понимание, интерпретация и практическая деятельность права. В статье *Law's Pragmatism: Law as Practice & Narrative* Паттерсон говорит, что «право — это интерпретируемое предприятие, участники которого участвуют в производстве и обсуждении объяснительных нарративов — нарративов, которые составляют историю практики и являются результатами аргументации, как разрешать юридические проблемы» [11, р. 940]. Это позволило некоторым его критикам, например, Б. Биксу, предположить, что у подхода Паттерсона есть весьма близкое сходство с интерпретативной теорией права Р. Дворкина [13, р. 50]. И хотя интерпретация для Паттерсона действительно является важным элементом юридической практики, но как деятельность она, по его мнению, зависит от существующего и широко распространенного согласия между практикующими юристами. Вот почему он позднее признается, что «интерпретация является *паразитической* активностью в юридической практике» [16, р. 133]. Он не согласен с Дворкиным, что интерпретацию следует рассматривать в качестве основного или основополагающего свойства права — «интерпретация не является небосводом права» [16, р. 133; 17, р. 1845]. Дворкин, считает Паттерсон, упускает важный момент, а именно, что понимание не опосредуется интерпретацией. Так что же Паттерсон понимает под интерпретацией и как она связана с пониманием? Для этого он снова предлагает нам обратиться к Витгенштейну.

Мы часто сталкиваемся с ситуациями, когда не можем понять, что правило от нас требует, т.е. какие действия следует совершать, а от каких — воздержаться. И тогда у нас возникает искушение, как говорят Бейкер и Хакер, прибегнуть к интерпретации, которая выступает неким посредником между правилом и его применением. Интерпрета-

ция в таком случае понимается как «мостик между правилом и соответствующим ему действием, например, между правилом "+2" и тем, что следует написать после "1000", применив это правило» [18, р. 93]. Но такой подход неизбежно приводит к затруднениям, поскольку действие будет согласовано с правилом и считаться следованием правилу только тогда, когда оно соответствует интерпретации. Но это соответствие как раз и надо было объяснить с помощью интерпретации. Выходит, «что бы я ни делал, всегда можно — с помощью той или иной интерпретации — как-то согласовать это с таким правилом» [2, с. 162]. Отсюда следует абсурдный вывод — «что бы я ни сделал, все согласуемо с таким правилом». Так происходит потому, полагают Бейкер и Хакер, что «интерпретация привлекается в качестве посредника между правилом и соответствующим ему действием» [18, р. 94]. Но это неверно, потому что, как говорит Витгенштейн, «любая интерпретация повисает в воздухе с интерпретируемым; она не в состоянии служить ему опорой» [2, с. 162]. И вот почему. Связь между правилом и соответствующими ему действиями, согласно Витгенштейну, устанавливается в практике применения правила: при обучении, регулярном его применении или следовании. Наше понимание правила не является его интерпретацией, чтобы понять правило, мы обычно не опираемся на интерпретацию. Скорее, наше понимание проявляется в том, что Витгенштейн назвал «следованием правилу» и «действием вопреки правилу» в реальных случаях его применения [2, с. 163]. Витгенштейн сомневался, что интерпретация способна определить значение (чего требует правило, как стандарт правильного действия), ибо если бы понимание выражения или знака было вопросом интерпретации (которая является «лишь заменой одного выражения правила другим» [2, с. 163]), тогда сама интерпретация нуждалась бы в интерпретации. Следовательно, понимание правила, по Витгенштейну, не является его интерпретацией.

Паттерсон полагает, что этот аргумент Витгенштейна можно эксплицировать в контексте интерпретации (толкования) права, для которой он может оказаться столь же полезным и важным, «как и для нашего употребления цветных терминов, арифметических символов, дорожных знаков и других бесчисленных практик» [16, р. 130]. Какую же пользу имеет этот аргумент (понимание правила не является его интерпретацией) для теории права? Паттерсон отвечает весьма туманно. По его словам, польза состоит в том, что с его помощью, как показал Витгенштейн, «нормативность можно перенести в действие, а именно, в социальное действие» [16, р. 130], когда согласие других становится необходимым условием нормативности следования правилу (основанием правильности и неправильности). Юридическое действие как раз и позволяет это продемонстрировать. Согласие с юридическими действиями других гармонизирует юридическую практику (особенно практику судебных решений) [16, р. 131]. Достижению такой гармонии, по-видимому, может способствовать «правильная» теория интерпретации права, а не та, на которой «паразитируют практикующие юристы».

Суть теории интерпретации Паттерсона довольно проста. Нам следует обращаться к интерпретации тогда, «когда конвенциональное значение понятий поставлено под сомнение» [17, р. 1851]. В этом смысле «интерпретацию лучше рассматри-

вать как терапевтическую деятельность — деятельность по достижению понимания, а не объяснения» [17, р. 1852]. Понимает ли человек правило, зависит от того, какие действия он совершает, т.е. понимание проявляется через действие: «интерпретация права — это деятельность по определению того, какой из нескольких способов понимания правила является правильным или предпочтительным» [16, р. 134]. Паттерсон объясняет это следующим образом: «Интерпретация в праве происходит из установленных форм действий, которые все участники признают и используют всякий раз, когда они делают, оценивают и выносят суждения о состоянии права. Интерпретация основывается на особой форме дискурсивного действия, которое мы расцениваем как «юридическое». Будучи сообщением о правильных и неправильных практических действиях (будь то в праве, арифметике или при измерении), интерпретация не является началом, потому что она отвлекает наше внимание от методов, благодаря которым понимание становится возможным. Правильные и неправильные формы действий имманентны практике. Поэтому правильные формы действий не могут навязываться практике посредством интерпретации или каким-то иным образом. Только овладев методами, применяемыми участниками практики, мы сможем понять различие между правильным и неправильным действием» [16, р. 135].

То, что интерпретация права им понимается как «рефлексивная деятельность», по-видимому, исходит из его основного тезиса, что право есть деятельность, социальная активность. Право как бы опосредует интерпретацию, которая, таким образом, становится не просто сообщением о правильности или неправильности того или иного действия, но инструментом квалификации действия как юридического. В то же время интерпретация по Паттерсону есть «деятельность по достижению понимания, а не объяснения» [17, р. 1852]. Он отсылает эту идею к Витгенштейну. Но ведь Витгенштейн ясно говорил, что «существует такое понимание правила, которое не является *интерпретацией*» [2, с. 163]. Получается, *понять* правило можно и без интерпретации?

Понимание и то, каким образом оно связано с объяснением и значением, занимают в философии языка Витгенштейна важное место [19, р. 39]. Понимание выражения — это не ментальное состояние или деятельность по интерпретации, оно аналогично способности: знать, что слово означает, — значит уметь правильно его употреблять и уметь отвечать на вопрос «Что слово означает?», а не быть знакомым с его значением. Носитель языка понимает выражения своего языка, знает, как их использовать, может сказать, что он имеет в виду, используя их в том или ином контексте. Каковы критерии того, что человек понимает выражение? Витгенштейн указывает на три критерии: как человек употребляет выражение (т.е. правильно или неправильно), как он объясняет его значение в данном контексте (т.е. что оно означает в определенном контексте), и как он реагирует на его употребление другими. Обозначение чего-то посредством слова или предложения не является действием или деятельностью. Понимание высказываний другого обычно не является интерпретацией; там, где интерпретация требуется, понимание уже предполагается, поскольку интерпретация высказывания состоит в том, чтобы сделать выбор между альтернативными значениями. Понимание не является деятельностью [19,

р. 18, 40–41]. Тем не менее есть искушение, считают Бейкер и Хакер, рассматривать понимание как процесс. Это искушение порождается мыслью, что понимание речи другого включает в себя ее интерпретацию — понимание (других) считается интерпретацией. Но это неверное представление: «Интерпретация предполагает понимание, но не может его объяснить» [19, р. 370]. Объяснение, значение и понимание внутренне связаны: «Если человек понимает объяснение значения "W", то он понимает слово, знает, что оно означает» [19, р. 383]. Следовательно, понимание, по Витгенштейну, — это не вопрос интерпретации. Человек обычно не интерпретирует то, что слышит; он понимает то, что ему говорят, без какой-либо интерпретации [2, §§ 201, 433, 503–506]. Понять не значит проинтерпретировать.

4. Некоторые возражения против подхода Паттерсона. Основная проблема с применением (непосредственным или опосредованным) идеи Витгенштейна о следовании правилу в других дискурсах, например, в юриспруденции состоит в том, что сам Витгенштейн «нигде не дает формулировку того, что такое правило, и уж тем более не формулирует критерии, позволяющие определить, что значит следовать этому правилу» [20, с. 51]. То, каким образом Витгенштейн использует «правило», как справедливо отмечает А. Б. Дидикин, многих философов права вводит в заблуждение [21, с. 67]. Поэтому наиболее распространенным и, надо сказать, сильным возражением против сторонников применимости его идей в праве (таких как Паттерсон), выступает тезис, что правила, о которых говорит Витгенштейн, отличаются от правил, о которых говорят правоведы. Так, например, считает Б. Бикс: «Несмотря на сходства в названии, "правила" у Витгенштейна сильно отличаются от "правил" в теории права и юридической практике» [13, р. 51], схожего мнения придерживается С. Гершовиц: «Мы не узнаем ничего нового о юридических правилах или юридической интерпретации, если воспользуемся идеями Витгенштейна, потому что предметом его рассуждений были совершенно иные явления» [22, р. 640], аналогичным образом рассуждает Ф. Шауэр, по мнению которого современные правоведы неправильно поняли идеи Витгенштейна (в том числе и проблему следования правилу) и как результат неправильно их применили для обоснования своих философско-правовых теорий [23, р. 187–188]. Есть и более радикальный аргумент: «Витгенштейн вообще ничего не писал о праве или теории права, так что для возможной связи Витгенштейна и теории права нет никакого текстуального основания» [24, р. 242]. Но ввиду его очевидности мы его рассматривать не будем.

Против подхода Паттерсона помимо уже указанного можно выдвинуть еще, как минимум, два возражения. Первое удачно сформулировал Бикс, который называет прочтение Паттерсоном *Философских исследований* «вольным» и «как объяснение или вывод из идей Витгенштейна о следовании правилу, не достигающем цели» [13, р. 53]. Бикс утверждает, что вопросы, которые интересовали Витгенштейна (применение цветочных терминов, продолжение простого математического ряда и т.д.), не имеют никакого отношения к анализу сложных юридических ситуаций или судебных дел, и поэтому использование его аргументов выглядит неуместным и даже весьма странным. Он приводит и другие аргументы, указывающие на вольный ха-

рактер прочтения Паттерсоном Витгенштейна [25], но и этого уже достаточно, чтобы с представленным возражением согласиться. Паттерсон ответил на это следующим образом: «Мало того, что есть четкие примеры применимости комментариев Витгенштейна о следовании правилу и интерпретации к вопросам, выходящим за рамки тех, которые он рассматривал; его понимание природы нормативности, следования правилу и интерпретации имеют глубокий смысл и никоим образом не ограничивается контекстами, которые его интересовали... Я не знаю ни одного комментатора работ Витгенштейна, который бы утверждал, что его замечания о следовании правилу ограничиваются или должны ограничиваться конкретными примерами, которые он приводил» [7, р. 6]. Опровергает ли его ответ возражение Бикса? Представляется, что нет. Здесь требуются более убедительное обоснование и более конкретные примеры, нежели *argumentum ad ignorantiam*. Кроме того, есть подозрение, что Паттерсон так же «вольно» объясняет и подход Крипке, и подход Бейкера и Хакера, но это уже другой вопрос.

Следующим проблемным моментом в теории Паттерсона является вопрос соотношения интерпретации и понимания. Он, действительно, изъясняется по этому поводу весьма туманно. То он заявляет, следуя Витгенштейну, что понимание правила не является его интерпретацией, то, напротив, говорит, что «интерпретация — это деятельность, которая зависит от понимания; интерпретация восстанавливает ткань понимания» [16, р. 136]. Вряд ли это можно объяснить непоследовательностью его рассуждения. Скорее всего, причина такого расхождения в том, в каком виде Паттерсон использует аргументы Витгенштейна об интерпретации и насколько он отступает от его исходных мыслей. Чтобы их можно было применить в праве, их следовало бы несколько модифицировать и даже расширить. И такие попытки предпринимались, некоторые из них оказались вполне убедительными и обоснованными [26, 27]. Все дело в том, что в праве интерпретации должно предшествовать понимание, а не наоборот, как полагает Паттерсон. Трудно представить, как можно проинтерпретировать (разъяснить) юридическое правило или положение закона, не поняв (не уяснив) сначала, что это правило или положение требует, что оно предписывает или позволяет. Кажется, Паттерсон это осознал, ибо в своих более поздних работах он уже ясно говорит, что «интерпретация обусловлена пониманием» [28, р. 261] и что «понимание является продуктом интерпретации» [7].

5. Заключение. Попытки применить идеи позднего Витгенштейна в праве, конечно же, не исчерпываются подходом Паттерсона. Он был не первый и не последний, кто пытался использовать философию языка Витгенштейна для обоснования отдельных положений своего философско-правового подхода. Несомненно, тезис, что «следование правилу есть некая практика», оказал на Паттерсона сильное влияние (возможно, через П. Уинча [подробнее см.: 15, 29]) и заложил основу для его теории права как деятельности. И хотя есть некоторые сомнения, что он правильно понял и проинтерпретировал соответствующие пассажи *Философских исследований*, все же надо признать, что он предпринял полномасштабную (и местами весьма убедительную) попытку эксплицировать идеи Витгенштейна в совершенно ином контексте. Перефразируя слова са-

мого Паттерсона, можно сказать, что сложно найти современного философа права, который так последовательно (пусть даже и «вольно») придерживался бы взглядов Витгенштейна.

Оценить, насколько подход Паттерсона оказалась успешным, а предпринятая им попытка — оправданной и в некотором смысле полезной для современной теории и философии права, достаточно сложно. Прежде всего потому, что непонятны критерии оценивания. Очевидно, что Витгенштейна интересовал естественный язык, который он и стремился прояснить, а Паттерсона — юридический язык. Позволяет ли специфика юридического языка обращаться к другим лингвистическим теориям для прояснения его оснований и зависит ли она от этого обращения? Это не менее сложный вопрос, который требует еще более серьезного исследования. Но одно можно сказать совершенно точно: философия языка «позднего» Витгенштейна оказала сильное влияние не только на теорию права Паттерсона, но и на многие другие современные философско-правовые концепции [30]. И она еще долгие годы будет источником вдохновения для правоведов, независимо от их принадлежности к тому или иному направлению юридической мысли.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-10082).

Примечания

¹«Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом... Стало быть, "следование правилу" — некая практика» [2, с. 163].

²Таким убедительным аргументом он считает утверждение Витгенштейна, что «следование правилу» есть некая практика.

³Возможно, Паттерсон заимствует (или, в некотором смысле, опирается на) интерпретацию Уинчем проблемы следования правилу, которая созвучна с его собственным подходом: «Необходимо не только принимать во внимание действия человека, который является кандидатом на следование правилу, но и реакции других людей на то, что он делает. Точнее, только в ситуации, в которой кто-то еще может в принципе обнаружить правило, которому следую я, можно осмысленно говорить, что я вообще следую правилу» [15, с. 22].

Библиографический список

1. Оглезнев В. В. Аристотель и Харт о неопределенности права // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2020. Т. 14, № 1. С. 165–173. DOI: 10.25205/1995-4328-2020-14-1-164-172.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I. / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. Москва: Гнозис, 1994. С. 75–320.
3. Patterson D. Introduction // Wittgenstein and Law / Ed. D. Patterson. Aldershot: Ashgate Publishing, 2004. P. xi–xii.
4. Pardo M., Patterson D. Minds, Brains, and Law: The Conceptual Foundations of Law and Neuroscience. Oxford: Oxford University Press, 2013. 240 p.
5. Philosophical Foundations of Law and Neuroscience / Eds.: D. Patterson, M. Pardo. Oxford: Oxford University Press, 2016. 251 p.
6. Neurolaw and Responsibility for Action: Concepts, Courts and Crimes / Eds. B. Donnelly-Lazarov, D. Patterson, P. Raynor. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 301 p.
7. Patterson D. Wittgenstein, Ludwig // Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy / Eds.: M. Sellers, S. Kirste. Dordrecht: Springer, 2021. P. 1–12. DOI: 10.1007/978-94-007-6730-0_656-1.
8. Ладов В. А. Иллюзия значения: проблема следования правилу в аналитической философии: моногр. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. 326 с.
9. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В. А. Суровцева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. 152 с.
10. Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык / пер. с англ. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. Москва: Канон+РООИ Реабилитация, 2008. 240 с.
11. Patterson D. Law's Pragmatism: Law as Practice & Narrative // Virginia Law Review. 1990. Vol. 76, № 5. P. 937–996. DOI: 10.2307/1073154.
12. Zapf C., Moglen E. Linguistic Indeterminacy and the Rule of Law: On the Perils of Misunderstanding Wittgenstein // The Georgetown Law Journal. 1996. Vol. 84, № 3. P. 485–520.
13. Bix B. Law, Language, and Legal Determinacy. Oxford: Oxford University Press, 1993. 221 p.
14. Грязнов А. Ф. Социальная наука Питера Уинча // Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. Москва: Русское феноменологическое общество, 1996. С. vii–xiv.
15. Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии / пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. Москва: Русское феноменологическое общество, 1996. xxi + 107 с.
16. Patterson D. Wittgenstein on Understanding and Interpretation (Comments on the Work of Thomas Morawetz) // Philosophical Investigations. 2006. Vol. 29, no. 2. P. 129–139. DOI: 10.1111/j.1467-9205.2006.00283.x.
17. Patterson D. Wittgenstein and Constitutional Theory // Texas Law Review. 1994. Vol. 72. P. 1837–1856.
18. Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity. Vol. 2 of An Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Essays and Exegesis of §§ 185–242 / Ed. P. M. S. Hacker. Oxford: Blackwell Publishing, 2009. 380 p.
19. Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: Understanding and Meaning. Vol. 1 of An Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Part I: Essays / Ed. P. M. S. Hacker. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 394 p.
20. Суровцев В. А. Следование правилу и социальная теория // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 3. С. 50–55. DOI: 10.5840/eps202057340.
21. Дидикин А. Б. Следование правилу и юридический язык: аргументы реализма и антиреализма // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2015. Т. 10, № 4 (164). С. 66–72.
22. Hershovitz S. Wittgenstein on Rules: The Phantom Menace // Oxford Journal of Legal Studies. 2002. Vol. 22, no. 4. P. 619–640. DOI: 10.1093/ojls/22.4.619.
23. Schauer F. Rules and the Rule-Following Argument // Canadian Journal of Law and Jurisprudence. 1990. Vol. 3, no. 2. P. 187–192. DOI: 10.1017/S0841820900001223.
24. Goldstein L. Wittgenstein and Legal Theory // Analytic Philosophy. 1993. Vol. 34, № 4. P. 242–244. DOI: 10.1111/j.1468-0149.1993.tb02380.x.
25. Bix B. Cautions and Caveats for the Application of Wittgenstein to Legal Theory // Topics in Contemporary Philosophy / Eds.: J. K. Campbell, M. O. Rourke, D. Shier. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. P. 217–229.
26. Poscher R. Interpretation and Rule Following in Law: The Complexity of Easy Cases // Problems of Normativity, Rules and Rule-Following / Eds.: M. Araszkiwicz, P. Banaś, T. Gizbert-Studnicki, K. Pleszka. Dordrecht: Springer, 2015. P. 281–293.

27. Marmor A. Interpretation and Legal Theory. Oxford: Hart Publishing, 2005. 179 p.

28. Patterson D. Theoretical Disagreement, Legal Positivism, and Interpretation // Ratio Juris. 2018. Vol. 31, № 3. P. 260–275. DOI: 10.1111/raju.12216.

29. Родин К. А. Проблема следования правилу и место Л. Витгенштейна в социологических исследованиях: возвращение к Питеру Уинчу // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 3. С. 23–33. DOI: 10.5840/eps202057336.

30. Дидикин А. Б. Интерпретация проблемы следования правилу в аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 83–88. DOI: 10.17223/1998863X/30/9.

ОГЛЕЗНЕВ Виталий Васильевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник института государства и права СО РАН, г. Новосибирск;

профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.

SPIN-код: 3701-0936

AuthorID (РИНЦ): 539601

ORCID: 0000-0003-0287-6543

AuthorID (SCOPUS): 56307954100

ResearcherID: X-2616-2019

Адрес для переписки: ogleznev82@mail.ru

Для цитирования

Оглезнев В. В. Деннис Паттерсон о Витгенштейне // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 2. С. 99–106. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-99-106.

Статья поступила в редакцию 17.02.2021 г.

© В. В. Оглезнев

UDC 171+340.124

DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-99-106

V. V. OGLEZNEV

**Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia**

DENNIS PATTERSON ON WITTGENSTEIN

Dennis Patterson, modern American legal theorist, is one of the active supporters of the importance and significance of later Wittgenstein's ideas for resolving legal philosophy problems, including legal indeterminacy problem. On the basis of Wittgenstein's ideas about rule-following and acting in accordance with rule, he developed his own special approach to law and legal interpretation. Although there are some doubts and possible objections that he understood and interpreted «Philosophical Investigations» correctly, it should be recognized that Patterson made a full-scale (and sometimes very convincing) attempt to explicate Wittgenstein's thoughts in a quite different context, namely, in the context of legal theory. His treatment of wittgensteinian philosophy of language continues to be interesting and sound, despite the criticisms that have been made against his approach. It is in fact very hard to find among modern legal philosophers or theorists someone who could interpret Wittgenstein in a more sophisticated way than Patterson has done.

Keywords: rule-following, legal indeterminacy, interpretation, understanding, legal rule, Wittgenstein, Patterson.

Acknowledgments

This paper is prepared within the framework of the scientific project No. 18-78-10082, supported by the Russian Science Foundation.

References

1. Ogleznev V. V. Aristotel' i Khart o neopredelennosti prava [Aristotle and Hart on Indeterminacy of Law] // СХОАН. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya. СХОАН. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. 2020. Vol. 14, no. 1. P. 165–173. DOI: 10.25205/1995-4328-2020-14-1-164-172. (In Russ.).

2. Wittgenstein L. Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations] // Filosofskie raboty [Philosophical Papers] / Trans. M. S. Kozlova, Yu. A. Aseev. Moscow, 1994. P. 75–320. (In Russ.).

3. Patterson D. Introduction // Wittgenstein and Law / Ed. D. Patterson. Aldershot: Ashgate Publishing, 2004. P. xi–xii. (In Engl.).

4. Pardo M., Patterson D. Minds, Brains, and Law: The Conceptual Foundations of Law and Neuroscience. Oxford: Oxford University Press, 2013. 240 p. (In Engl.).

5. Philosophical Foundations of Law and Neuroscience / Eds.: D. Patterson, M. Pardo. Oxford: Oxford University Press, 2016. 251 p. (In Engl.).

6. Neurolaw and Responsibility for Action: Concepts, Courts and Crimes / Eds.: B. Donnelly-Lazarov, D. Patterson, P. Raynor. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 301 p. (In Engl.).
7. Patterson D. Wittgenstein, Ludwig // Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy / Eds.: M. Sellers, S. Kirste. Dordrecht: Springer, 2021. P. 1–12. DOI: 10.1007/978-94-007-6730-0_656-1. (In Engl.).
8. Ladov V. A. Illyuziya znacheniya: problema sledovaniya pravilu v analiticheskoi filosofii [The Illusion of Meaning: Rule-Following Problem in Analytic Philosophy]. Tomsk, 2008. 326 p. (In Russ.).
9. Kripke S. Vitgenshtein o pravilakh i individual'nom yazyke [Wittgenstein on Rules and Private Language] / Trans. V. A. Surovtev. Tomsk, 2005. 152 p. (In Russ.).
10. Baker G. P., Hacker P. M. S. Skeptitsizm, pravila i yazyk [Scepticism, Rules, and Language] / Trans. V. A. Ladov, V. A. Surovtev. Moscow, 2008. 240 p. (In Russ.).
11. Patterson D. Law's Pragmatism: Law as Practice & Narrative // Virginia Law Review. 1990. Vol. 76, no. 5. P. 937–996. DOI: 10.2307/1073154. (In Engl.).
12. Zapf C., Moglen E. Linguistic Indeterminacy and the Rule of Law: On the Perils of Misunderstanding Wittgenstein // The Georgetown Law Journal. 1996. Vol. 84, no. 3. P. 485–520. (In Engl.).
13. Bix B. Law, Language, and Legal Determinacy. Oxford: Oxford University Press, 1993. 221 p. (In Engl.).
14. Gryaznov A. F. Sotsial'naya nauka Pitera Uincha [Social Science of Peter Winch] // Winch P. Ideya sotsial'noi nauki i ee otnoshenie k filosofii [The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy]. Moscow, 1996. P. vii–xiv. (In Russ.).
15. Winch P. Ideya sotsial'noi nauki i ee otnoshenie k filosofii [The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy] / Trans. M. Gorbachev, T. Dmitriev. Moscow, 1996. xxi+107 p. (In Russ.).
16. Patterson D. Wittgenstein on Understanding and Interpretation (Comments on the Work of Thomas Morawetz) // Philosophical Investigations. 2006. Vol. 29, no. 2. P. 129–139. DOI: 10.1111/j.1467-9205.2006.00283.x. (In Engl.).
17. Patterson D. Wittgenstein and Constitutional Theory // Texas Law Review. 1994. Vol. 72. P. 1837–1856. (In Engl.).
18. Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity. Vol. 2 of An Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Essays and Exegesis of §§185–242 / Ed. P. M. S. Hacker. Oxford: Blackwell Publishing, 2009. 380 p. (In Engl.).
19. Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: Understanding and Meaning. Vol. 1 of an Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Part I: Essays / Ed. P. M. S. Hacker. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 394 p. (In Engl.).
20. Surovtsev V. A. Sledovanie pravilu i sotsial'naya teoriya [Rule-Following and Social Theory] // Epistemologiya i filosofiya nauki. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020. Vol. 57, no. 3. P. 50–55. DOI: 10.5840/eps202057340. (In Russ.).
21. Didikin A. B. Sledovanie pravilu i juridicheskij yazyk: argumenty realizma i antirealizma [Rule-Following and Legal Language: Arguments of Realism and Antirealism] // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 3: Obshhestvennye nauki. *Journal of the Ural Federal University. Social Sciences*. 2015. Vol. 10, no. 4 (164). P. 66–72. (In Russ.).
22. Hershovitz S. Wittgenstein on Rules: The Phantom Menace // Oxford Journal of Legal Studies. 2002. Vol. 22, no. 4. P. 619–640. DOI: 10.1093/ojls/22.4.619. (In Engl.).
23. Schauer F. Rules and the Rule-Following Argument // Canadian Journal of Law and Jurisprudence. 1990. Vol. 3, no. 2. P. 187–192. DOI: 10.1017/S0841820900001223. (In Engl.).
24. Goldstein L. Wittgenstein and Legal Theory // Analytic Philosophy. 1993. Vol. 34, no. 4. P. 242–244. DOI: 10.1111/j.1468-0149.1993.tb02380.x. (In Engl.).
25. Bix B. Cautions and Caveats for the Application of Wittgenstein to Legal Theory // Topics in Contemporary Philosophy / Eds.: J. K. Campbell, M. O. Rourke, D. Shier. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. P. 217–229. (In Engl.).
26. Poscher R. Interpretation and Rule Following in Law: The Complexity of Easy Cases // Problems of Normativity, Rules and Rule-Following / Eds.: M. Araszkievicz, P. Banaś, T. Gizbert-Studnicki, K. Pleszka. Dordrecht: Springer, 2015. P. 281–293. (In Engl.).
27. Marmor A. Interpretation and Legal Theory. Oxford: Hart Publishing, 2005. 179 p. (In Engl.).
28. Patterson D. Theoretical Disagreement, Legal Positivism, and Interpretation // Ratio Juris. 2018. Vol. 31, no. 3. P. 260–275. DOI: 10.1111/raju.12216.29.
29. Rodin K. A. Problema sledovaniya pravilu i mesto L. Vitgenshteina v sotsiologicheskikh issledovaniyakh: vozvraschenie k Piteru Uinchu [The Rule-Following Problem and Wittgenstein's Place in Sociology Studies: a Return to Peter Winch] // Epistemologiya i filosofiya nauki. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020. Vol. 57, no. 3. P. 23–33. DOI:10.5840/eps202057336. (In Russ.).
30. Didikin A. B. Interpretacija problemy sledovaniya pravilu v analiticheskoi filosofii prava [Interpretation of the Rule-Following Problem in Analytical Legal Philosophy] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2015. Vol. 30, no. 2. P. 83–88. DOI: 10.17223/1998863X/30/9. (In Russ.).

OGLEZNEV Vitaliy Vasilevich, Doctor of Philosophical Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk; Professor of Theory and History of the State and Law Department, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.
SPIN-code: 3701-0936
AuthorID (RSCI): 539601
ORCID: 0000-0003-0287-6543
AuthorID (SCOPUS): 56307954100
ResearcherID: X-2616-2019
Correspondence address: ogleznev82@mail.ru

For citations

Ogleznev V. V. Dennis Patterson on Wittgenstein // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2021. Vol. 6, no. 2. P. 99–106. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-99-106.

Received February 17, 2021.

© V. V. Ogleznev